

Трансформация социокультурных пространств России и Китая в условиях приграничья: современные реалии, тенденции, перспективы

© 2018

В.С. Морозова, К.С. Дубровская

В статье анализируется процесс трансформации приграничных социокультурных пространств России и Китая на примере региональной пары Забайкальский край РФ — Северо-Восток КНР (Дунбэй). Авторы описывают их функционирование в трех измерениях — локальном, национальном и инокультурном. В этом контексте представляется актуальным обращение к особой практике развития приграничных территорий, которые сегодня выступают не только форпостом, но и местом активного взаимодействия стран, культур, цивилизаций. Авторы делают вывод об одностороннем векторе пути распространения культурных элементов, что диктует необходимость поиска стимулов для дальнейшего качественного развития межрегионального сотрудничества России и Китая, определения места культурной политики приграничных регионов в общей стратегии развития национальной культуры.

Ключевые слова: социокультурное пространство приграничного взаимодействия РФ — КНР, региональная культура, социокультурная идентичность, Забайкальский край РФ, Северо-Восток КНР (Дунбэй).

DOI: 10.31857/S013128120002695-5

Обращение к феномену российско-китайского приграничья сегодня привлекает внимание с точки зрения как его теоретического осмысления, так и практической визуализации. Интерес возрастает и в связи с интерпретацией термина «социокультурное», который, в отличие от российской научной практики, не используется в работах китайских ученых, что связано с типологическими особенностями китайского языка¹. Социокультурные механизмы, структурирующие пригранижье как уникальный культурный феномен, требуют их осмысления с учетом эмпирической базы, построенной по «зеркальному принципу» (с двух сторон — российской и китайской). Современные китайские философы объясняют сущность социального пространства идентично пониманию «социокультурного», устоявшегося в российской науке, теория же культурного пространства находится в стадии становления. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия осмысливают само культурное пространство как вместилище материального и нематериального культурного наследия, оформляющего китайское социальное². Более того, социокультурное пространство приграничья

Морозова Валентина Сергеевна, доктор филос. наук, доцент, профессор кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: morozova1550@mail.ru;

Дубровская Кристина Сергеевна, аспирант кафедры востоковедения и регионоведения Северной Америки Забайкальского государственного университета (г. Чита). E-mail: hatkova@inbox.ru.

(как со стороны России, так и со стороны Китая) диктует необходимость его функционирования в трех культурных измерениях — локальном, национальном, инокультурном.

Практическая сторона взаимодействия в приграничье не может обойтись без анализа теоретического пласта работ по этой тематике. Прежде всего, в российском и китайском научном дискурсе преобладают труды, посвященные общим проблемам взаимопроникновения культур, однако системно вопросы трансформации приграничных социокультурных пространств не освещаются. Сегодня одной из важнейших задач науки становится выработка методологической основы для осмысления всего спектра явлений российско-китайского приграничья, в разработку которой весомый вклад вносят и сформировавшиеся региональные научные школы (научная школа диалога культур Северо-Восточной Азии под руководством д-ра филос. наук, профессора М.Н. Фоминой, научная школа интерпретаций региональных практик современного Китая под руководством д-ра филос. наук, профессора Н.А. Абрамовой). Бесспорно, по тематике российско-китайского взаимодействия преобладают труды, затрагивающие аспекты политики, экономики, демографии, что связано с основными направлениями внешней политики обоих государств. Вместе с тем пространство приграничного взаимодействия РФ — КНР как объект исследования само по себе представляет отдельный интерес именно для философской рефлексии, так как оно конструируется различными цивилизациями и культурами. Практика внутривнутрипространственных взаимодействий переходит здесь от межкультурных к межцивилизационным. И этот аспект не должен быть нивелирован. Нельзя забывать и о том, что традиционная китайская философия, имеющая более чем 5-тысячелетнюю историю, глубоко инкорпорирована в современную политику КНР, в России же очевиден евразийский вектор, что требует дополнительного исследовательского внимания.

Говоря о приграничных социокультурных пространствах, мы делаем акцент на Забайкальском крае РФ и Северо-Востоке КНР. Поскольку Забайкальский край является воротами в Азию не только для Дальнего Востока России, но и для ряда западных регионов страны, то в процессе межкультурного взаимодействия РФ и КНР основой культурной идентичности для населения Забайкалья может стать соединение восточного и западного начал. Становление Забайкальского края как универсального посредника между АТР и Европой способно сгладить межцивилизационные противоречия, вывести диалог между этими регионами на принципиально новый уровень³. Что касается китайского приграничья, то согласно выдвинутой концепции руководства страны о роли культурного фактора в развитии Северо-Востока КНР, регион Дунбэй аккумулирует большой потенциал развития приграничных регионов путем «осознанного стремления к достижению гармонии при все возрастающем значении культуры»⁴.

Руководитель Центра изучения культуры Китая Института Дальнего Востока РАН А.Е. Лукьянов справедливо отмечает: «Социокультурное пространство российско-китайского приграничья, казалось бы, территориальная и культурная периферия, малозначимая для политических и гуманитарных центров обеих стран. Однако именно здесь таятся ключи взаимопонимания и взаимодействия России и Китая, что символически и программно запечатлено в лозунге “Всегда друзья и никогда враги”». Приграничье — полоса, роднящая и противоборствующая, говоря философским языком, бурлящая подобно хаосу, и что конкретно она может породить — никому не известно. Поэтому крайне важно найти рациональные методы культурной организации этого пространства, что будет способствовать решению целого ряда первостепенных задач: культурной безопасности России в условиях глобализации, приобретения опыта построения подлинного (не декларативного) диалога культур и цивилизаций России и Китая, в конечном счете — достижения симфонического созвучия культур Евразийского континента при сохранении их самобытности.

С точки зрения практики наличие динамической системы развития взаимодействия России и Китая, которые, находясь в общем социокультурном пространстве приграничного взаимодействия, в силу цивилизационных различий все же не могут сформировать единое социокультурное пространство, заставляет обратить внимание не только

на активизацию культурных практик по обе стороны границы, но и на сохранение культурных особенностей и идентичностей по разные ее стороны.

Справедливо возникает вопрос — аспатиальны ли приграничные пространства? Говоря об аспатиальности как характеристике приграничных пространств, невозможно утверждать, что российские границы действительно представляют собой энтропийные пространства. Если аспатиальность — это пониженная реакция границы на какие-то явления (пусть даже культурные), то в пространстве российско-китайского фронта очевидно происходят процессы культурной диффузии, что отражается не только на формировании этнокультурного ландшафта приграничья, но более всего — на формировании и трансформации региональной культурной идентичности населения. Сегодня граница является проницаемой, а ее стороны активно участвуют во взаимодействии. Важной характеристикой данных процессов выступает необходимость уделить особое внимание факту сохранения целостности, самости, самостоятельности русской и китайской культур, взаимодействующих между собой, но находящихся по разные стороны. В этом контексте известный постулат Киплинга о том, что «Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и вместе им не быть» стоит проанализировать с разных точек зрения. Система сложнейших связей между приграничными субъектами, которая является основой их совместного, но самостоятельного развития, выступает неким феноменом, нацеливающим на его детальное философско-культурологическое осмысление.

Что касается тезиса о невозможности формирования единой культуры приграничья в связи с цивилизационными различиями России и Китая, то авторы настаивают на том, что цивилизационные особенности приграничных культур России и Китая делают невозможным как формирование единого социокультурного пространства приграничья, так и тем более — единой приграничной культуры РФ — КНР. Такими цивилизационными различиями выступают не только психологические и ментальные различия русских и китайцев, особые нормы морали, трудно объяснимые с западной точки зрения. Это и принципиально различные идеологические системы (для основ китайской культуры свойственен синкретизм — три учения: конфуцианство, буддизм и даосизм, у русской культуры — единая основа: православное христианство)⁵. Принадлежность русской и китайской письменности к разным типам также служит большим препятствием в формировании единой приграничной культуры. Особенности иероглифической письменности временами создают немалые трудности даже в общении между представителями двух культур, и это обстоятельство также затрудняет процесс культурной интеграции России и Китая. Что же касается примеров формирования на фронтах устойчивых культурных образований, показателен пример формирования единого социокультурного пространства Европы. В течение долгого времени страны Европы в силу ряда различий (политических, религиозных, языковых) были не только разобщены, но и враждебны друг другу. Но так или иначе античное наследие, христианство, средневековая культура составили мощный фундамент единого европейского мира, который сегодня реализуется в рамках европейской интеграции.

Бесспорно, именно в приграничных регионах происходит непосредственное соприкосновение культур, которое способствует возникновению и формированию особых социокультурных пространств. Данная культурная целостность способна ассимилировать различные элементы граничащих культур. Выделение культуры в качестве важнейшего элемента межрегионального сотрудничества государств и процесса приграничного взаимодействия дает возможность изменить видение приграничного региона, осознать его роль в трансляции ценностей общенациональной культуры, понять значимость его вклада в социокультурное пространство страны⁶.

Взаимоотношения между человеком, культурой и географическим пространством в приграничье обусловлены самим явлением границы. Более 4000 км общей границы с Россией определяют Китай не просто как соседнее государство. Он представляет собой крупнейшую из сопредельных восточных цивилизаций. Несмотря на то, что рос-

сийское и китайское пространство определено и обозначено государственными границами, область их взаимодействия не имеет четко очерченной территории⁷.

События, возникающие на фронтире, выступают наиболее наглядными проявлениями культуры. Именно на фоне «другого» «личное» становится вятным и видимым. Культурные практики, образующие ткань социокультурного пространства, в этих условиях актуализируются наиболее полно. Вместе с тем можно предположить, что наличие таковых практик «по ту сторону границы» ведет к ослаблению структурного воздействия института государства, в связи с чем процесс взаимодействия и конструирования протекает наиболее чисто. Не случайно именно события фронтира привлекают к себе наибольшее число исследователей. Дополнительную актуальность придает обращение к культуре Китая, которая еще относительно недавно представляла собой герметически закрытое образование. Сегодня культура Китая открывается, становится «мягкой силой» и все более значимым фактором в глобализирующемся мире, в том числе в контексте ее приграничного взаимодействия с другими культурными ареалами.

Совершенно очевидно, что сегодня стабильная и безопасная жизнедеятельность государства зависит не только от развития внутренних регионов, но и от развития его приграничных территорий, которые выступают не только форпостом, но и местом активного взаимодействия стран, культур, цивилизаций. Усиливающееся межкультурное взаимодействие стран и регионов повышает уровень возможной трансформации их социокультурных приграничных пространств.

Трансформация приграничных социокультурных пространств России и Китая сегодня становится все более очевидным феноменом. Так, интересным фактом выступает конструирование китайским руководством социокультурной атмосферы своего приграничья, ориентированной на русскую специфику, что приводит к оттоку приграничного русского населения. Как результат, со стороны китайского приграничья (на Дальнем Востоке) происходит активное формирование т. н. ирредент — мест компактного проживания русской национальности на территории Китая в непосредственной близости к государственной границе. Генезис такой ситуации заключен в том, что Китай создает адекватные, приемлемые, привлекательные, привлекающие россиян условия, «заимствуя» русское население на свои территории. Вместе с тем этнокультурный ландшафт российского приграничья в большей степени нежели китайский (как бы парадоксально это не звучало) сохраняет свою региональную идентичность.

Более того, китайская сторона использует элементы русской культуры (зачастую искажая их традиционную природу), развивая свои приграничные территории. Одним из наиболее значимых городов китайского приграничья в контексте межкультурного взаимодействия является г. Маньчжурия. Город получил статус «цивилизационного порта общегосударственной важности»: обладая культурной спецификой, исторически связанной с Россией, он создает особенный стиль «российско-китайского культурного слияния»⁸. Примерами «неадекватного» заимствования элементов русской культуры со стороны Китая являются:

– площадь «Матрешка» в приграничном городе Маньчжурия, играющая роль основной туристической зоны;

– здание «Музея русского искусства», расположенное в западной части площади «Матрешка» и представляющее собой точную копию православной церкви, расположенной в городе Краснокаменск Забайкальского края. Три этажа музея занимают почти 5 тыс. кв. м. Центральное строение украшено семью башнями, размещенными в форме креста. Данный музей знакомит китайцев и гостей страны с достижениями культуры русского народа. В экспозиции числится более 2 тыс. предметов, среди которых отмечают картины, скульптуры, книги, украшения, монеты, и другие экспонаты, иллюстрирующие вклад России в развитие мирового искусства и культуры;

– «Парк копий», представляющий интерес как яркий пример использования элементов русской культуры на территории Китая. Здесь можно увидеть уменьшенные копии леген-

дарных памятников — «Рабочий и колхозница», «Родина-Мать», «Медный всадник», памятник И.С. Тургеневу, памятник А.С. Пушкину. Осмотр экспозиции сопровождается музыкой советского периода, что добавляет достопримечательности патриотического колорита⁹.

Все вышеперечисленное являет собой пример взаимопроникновения культур на современном этапе их развития и отражает тот уровень трансформации социокультурных пространств, который допускает приграничное население. Очевидно, что многие каноны русской культуры (в том числе и пропорции при строительстве копий русских церквей) значительно нарушены, традиционная форма матрешки также искажена. Интересно, что исторически такие «нелепые» переносы культуры не фиксировались. Сегодня обеспокоенность вызывает использование китайской стороной элементов русской культуры не по назначению, более того — в трансформированном и искаженном виде. Это не только дискредитирует их традиционную природу, но и формирует в сознании китайского населения не вполне адекватное восприятие русской культуры, что может затруднять полноценный и равноправный диалог культур. Поэтому, с одной стороны, наличие такого «русифицированного» региона-посредника, по логике вещей, создает пространство диалога, облегчает коммуникацию, но с другой — искажает представление об искомой культуре.

Обратимся к исторической практике. Безусловно, важное место среди городов, внесших вклад в развитие приграничного социокультурного пространства России и Китая, занимает Харбин, частично сохраняющий элементы русской культуры¹⁰. Ранее известный в культурных и деловых кругах как «Восточная Москва», Харбин ощутил сильное влияние русской культуры, которое заключалось в особенностях архитектуры, нравов и обычаев, кухни и многом другом. Интересен неодносторонний характер трансформации в социокультурной сфере. Отмечается, что некоторые потомки харбинских русских эмигрантов, имеющие родственников в России и поддерживающие с ними регулярные контакты, в целом считают себя принадлежащими к китайскому народу. Для многих русских эмигрантов, которые впоследствии покинули Харбин, чувство ностальгии по России было вытеснено ностальгией по Китаю как своей второй родине, что, безусловно, указывает на социокультурную трансформацию в сознании представителей российского общества.

Современная же социокультурная ситуация в российском и китайском приграничье характеризуется усилением влияния китайской «мягкой силы». Данное обстоятельство требует не только контроля со стороны российского руководства, но и применения опережающей стратегии для прогнозирования рисков и предотвращения возможных негативных последствий. Значительным фактором, влияющим на степень подверженности приграничья процессам трансформации, является его территория. Так, крупномасштабные приграничные социокультурные пространства редко могут быть полностью изменены, а тенденция к трансформации более характерна для небольших территорий. Процессы культурной диффузии опосредуют развитие приграничных социокультурных пространств и подразумевают заимствования достижений одной культуры у другой¹¹.

Вместе с тем китайские исследователи также обеспокоены вопросом сохранения идентичности, в том числе и в приграничье. Гао Дэлян и Чжао Бо уделяют особое внимание влиянию западной культуры на культурную безопасность Китая¹². В похожем направлении работают Хань Юань и Чжао Цзылин, которые анализируют культурную безопасность как китайскую стратегию в контексте глобализации¹³. Национальная культурная безопасность является предметом исследований Сунь Нина, который акцентирует внимание на необходимости сохранения традиционных выражений культуры, таких, как народная деятельность, этикет, фестивали и ремесла, поскольку культурное наследие конденсирует уникальные духовные ценности китайской нации и отражает ее жизнеспособность и творчество. Он отмечает, что в последние годы активизация глобализационных процессов нанесла ущерб культурному наследию страны, что особенно проявляется в пиратстве китайских культурных реликвий в зарубежных странах и в Китае. Можно полагать, что граница является тем фактором, который активизирует проникновение культур, но качество этого проникновения необходимо строго контролировать.

Так, например, Забайкальский край как приграничный российский регион под воздействием ряда факторов, в частности социокультурного, активно включается во взаимодействие с приграничными регионами КНР. В последнее время в Забайкальском крае осуществляется популяризация древнекитайских практик саморазвития — ушу и цигун. Успешно функционирует Федерация традиционного ушу Забайкальского края, созданная в 2009 г. В 2017 г. была создана краевая спортивная общественная организация «Ассоциация ушу и цигун Забайкальского края», что свидетельствует о значительной вовлеченности населения данного региона в китайское социокультурное пространство. Кроме того, расширение влияния китайской культуры очевидно в увлечении населения Забайкальского края даосской практикой символического освоения пространства «фэншуй» и в умении использовать китайские палочки в качестве столового прибора.

Следует отметить, что популяризация китайской кухни в российском приграничье осуществляется гораздо быстрее, чем в других регионах России. Так, в столице Забайкальского края городе Чите с населением порядка 350 тыс. человек открыто более 20 ресторанов китайской кухни. Примечателен тот факт, что вкус китайской еды в Чите значительно отличается от ресторанной еды китайской кухни в Иркутске, который находится дальше от государственной границы, что позволяет определить закономерность: чем ближе город к границе, тем сильнее и качественнее социокультурная трансляция, даже в пищевой области.

Взаимодействие приграничных регионов России и Китая также сопровождается процессом проникновения некоторых иностранных слов в лексический запас русского населения. Так, например, в разряд устойчивых (регионально ограниченного использования) входят слова «куня» (молодая девушка), «чифанить» (принимать пищу), «сесе» (спасибо), «фанза» (дом). Распространение же русского языка было обусловлено тем обстоятельством, что торговля с китайцами осуществлялась русскими, проживавшими на территории Китая, преимущественно на русском языке. Поэтому некоторые слова, например, «кушать», «хорошо», «хулиган», «копейка» стали употребляться китайским населением Северо-Востока. Появились и периодические издания на русском языке. Примером первой газеты, изданной на русском языке, является «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений», издававшийся с 1901 г.

Интересен и стиль одежды китайского населения Северо-Востока Китая, который претерпевал значительные изменения вследствие проникновения русской культуры на его территорию. Так, мужчины стали носить кожаные шапки, женщины — платья, осенние пальто, головные платки, приближенные к русскому стилю¹⁴.

Более того, в последние годы в пространстве российского приграничья не только наблюдается тенденция к популяризации изучения китайского языка, чему способствуют высшие учебные заведения, языковые курсы при университетах и частных образовательных организациях, — очевидно, увеличение его присутствия в качестве визуальных образов в приграничных городах. Значительно возросло число вывесок, рекламы на китайском языке, что, безусловно, непривычно для населения и «бросается в глаза».

Реализация диффузионных процессов осуществляется и посредством заключения смешанных браков между гражданами РФ и КНР. Так, в выпуске «Российской газеты» (являющейся официальным печатным органом Правительства РФ) от 25 мая 2015 г. Международное радио Китая (МРК) опубликовало рекламный материал, агитирующий российских граждан вступать в брак с гражданами КНР. Среди достоинств китайских мужчин были указаны отсутствие вредных привычек и ответственность, а главными плюсами россиянок авторы объявления посчитали образованность, красоту, трудолюбие и либеральность в отношениях. Согласно статистике, представленной руководителем регионального департамента ЗАГС Забайкальского края О.Ю. Корягиной, самое большое количество русско-китайских браков в последние годы было заключено в 2007 г., их количество составило 16. В 2014 г. в Забайкальском крае из 154 браков с иностранцами 14 союзов были заключены с гражданами КНР. В 2017 г. количество браков с иностранцами составило 136. Справедливости ради стоит отметить, что чаще всего российские граждане вступали в браки с гражданами

данами Азербайджана — 27 браков, Таджикистана — 27, Кыргызстана — 20, Армении — 17, Украины — 17, Узбекистана — 12 браков. Граждане России вступали в брак и с гражданами дальнего зарубежья — Великобритании, Египта, Саудовской Аравии, Кореи и Китая¹⁵ (эти случаи являются единичными). Кроме того, в настоящее время существует множество сайтов знакомств и групп в социальных сетях, агитирующих вступать в брак с гражданами КНР. Подобные союзы являются отправной точкой диффузии культур. Их увеличение может стать причиной социокультурной трансформации приграничного региона и представлять собой угрозу социокультурной безопасности российско-китайского приграничья.

Следует отметить, что социокультурные трансформации, которые возможны в результате взаимодействия России и Китая, воспринимаются жителями Забайкальского края достаточно негативно. Многие жители данного приграничного региона видят в соседнем государстве угрозу и испытывают неприязнь к любым проявлениям китайской культуры на территории региона. Так, например, в 2016 г. в Чите во время проведения праздничных торжеств по случаю Дня города случился неприятный инцидент. Вечерний салют сопровождался китайской музыкой, которую местные жители приняли за гимн Маньчжурии. Жители столицы Забайкальского края и пользователи Интернета, которые увидели видео фейерверка, не оценили культурное взаимопроникновение с Китаем. Большинство людей сочли этот факт признаком интервенции¹⁶.

Отдельно стоит сказать о результатах комплексного сопоставления социально-экономических и культурных характеристик малых приграничных городов России и Китая (Забайкальск и Маньчжурия). Так, при условии общих критериев сравнения (этнокультурный, пространственно-географический, хронологическо-временной), очевиден контраст социокультурного развития российских и китайских малых приграничных городов, что во многом является результатом целенаправленной политики китайского руководства и отсутствия должного внимания к развитию социокультурной сферы российского приграничья. Тем не менее сегодня необходима переориентация малых приграничных городов России с концепции «закрытой территории» на актуализацию их становления как потенциальных площадок для социокультурного развития приграничных территорий¹⁷.

На современном этапе взаимодействие культур России и Китая в приграничье активизируется. Однако оно затруднено рядом факторов, среди которых главенствующими являются проблема определения «культурного превосходства» и недостаточная осведомленность взаимодействующих субъектов друг о друге. Сложившаяся ситуация в приграничье в будущем может не только затруднить полноценный и равноправный диалог культур, но и привести к значительной трансформации социокультурных пространств, что в дальнейшем скажется на сохранении культурной идентичности российских территорий.

В целях сохранения региональной культурной идентичности возможно дополнение стратегии социально-экономического развития приграничных регионов России задачами социокультурной направленности. Основой в этих процессах становится культурно-цивилизационный потенциал региональных культур, который необходимо поддерживать в его аутентичном виде. В настоящее время, безусловно, стоит вопрос о порождении некоего «культурного продукта», интегрированного активизирующимся взаимодействием культурных приграничных практик РФ — КНР. Сейчас довольно трудно описать его качественные характеристики, говорить о том, в каком виде он создан. Правильнее было бы сказать, что пока такого продукта как такового нет. И нужен ли он нам? Это также вопрос дальнейшего исследования, вопрос для рефлексии последующим поколениям, которые уже сегодня становятся свидетелями хаотичного бесконтрольного внедрения элементов китайской культуры в российское социокультурное пространство. Необходимо создавать определенные методы, механизмы, чтобы не только ставить под контроль трансляцию элементов китайской культуры в российское социокультурное пространство, но и следить за тем, как китайские территории сегодня используют элементы русской культуры не по назначению, искажая и трансформируя их традиционную сущность.

Данный факт диктует необходимость выработки культурного механизма, уstraняющего этот барьер. Традиционно мы можем говорить об интеграции, соразвитии, диалоге, но стоит особо обратить внимание на так называемую модель диалогичности региональных культур приграничья, основанную на целостности региональных культур по обе стороны границы и выстраивающую схему дополняемости, но не выбора роли. Такой вариант интеграции региональных культурных практик сменит вектор одностороннего пути распространения культурных элементов, станет стимулом для дальнейшего развития межрегионального сотрудничества и определит место культурной политики приграничных регионов в общей стратегии развития национальной культуры.

1. Чжоу Юй. Практики развития социокультурного пространства китайского приграничья в условиях межкультурного взаимодействия: автореф. дис.... канд. филос. наук: 09.00.13 / Чжоу Юй. Чита, 2015. С. 10.
2. Там же. С. 9.
3. Морозова В.С. РФ и КНР: межкультурное взаимодействие в контексте трансформации региональной культуры (на примере Забайкальского края) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 2. С. 140.
4. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья: автореф. дис.... д-ра филос. наук: 09.00.13. Чита, 2013. С. 30.
5. Лоу Жучжуан. Особенности процесса межкультурной коммуникации между Россией и Китаем в сети интернет: автореф. дис.... канд. соц. наук: 22.00.02. М., 2003. С. 12.
6. Дубровская К.С., Морозова В.С. Особенности генезиса приграничных социокультурных пространств РФ-КНР // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: материалы VIII международной научно-практической конференции. Чита: изд-во ЗабГУ, 2016. С. 82.
7. Там же. С. 87.
8. Ли Пин. Формирование культурного пространства в приграничных регионах КНР и России (на примере Забайкальского края и Автономного района Внутренняя Монголия КНР) // Вестник ЧитГУ. 2008. № 5 (50). С. 134.
9. Маньчжурия — самый русский город Китая. URL: <https://wiki-turizm.ru/china/1165-manchzhuriya-samuj-russkij-gorod-kitay> (дата обращения: 12.10.2018).
10. Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. № 2 (42). С. 128.
11. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве... С. 30.
12. Гао Дэлян, Чжао Бо. Сифан вэньхуа шэньтоу дуй вогу вэньхуа аньцюань дэ инсян: [Влияние проникновения западной культуры на культурную безопасность Китая]. Бэйцзин: Чжунго чунаньмэй дасюэ чубаньшэ, 2012. С. 115.
13. Чжао Цзылинь. Чжунго гоцзя вэньхуа аньцюань лунь: [О культурной безопасности КНР]. Бэйцзин: Хунань дасюэ чубаньшэ, 2012. С. 53.
14. Чжан Фань. Феномен православия в духовной культуре Китая // Вестник ЗабГУ. 2014. № 4 (107). С. 136.
15. Чаще всего забайкальцы вступают в браки с гражданами Азербайджана и Таджикистана. URL: https://zab.ru/news/103054_chacshe_vsego_zabajkalcy_vstupayut_v_braki_s_grazhdanami_azerbajdzhana_i_tadzhikistana (дата обращения: 12.10.2018).
16. Жителей Читы возмутил «гимн Маньчжурии» на Дне города. URL: <https://www.pravda.ru/news/districts/siberia/chita/30-05-2016/1302203-chinagimn-0/> (дата обращения: 12.10.2018)
17. Морозова В.С. Региональная культура в социокультурном пространстве... С. 28.